

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я, наверное, не скажу ничего нового. Самая кровавая война в истории, унесшая жизни десятков миллионов людей и опустошившая нашу страну, закончилась 80 лет назад. Казалось, ничего доказывать не нужно. Режим, уничтожавший русских, евреев, цыган, белорусов, украинцев, делавший абазуры из их кожи, травивший детей газом и сжигавший жертв в крематориях, сокрушен. Предельно ясно, кто такой был Адольф Гитлер, что именно творили его подчиненные в мундирах СС и кому надо сказать спасибо за остановку печей в Освенциме. Все же понятно.

Но нет.

Мой друг, польский журналист Мачей Вишневецкий, когда-то сказал: «Знаешь, мы с тобой еще увидим, как европейские политики и журналисты совершенно спокойно станут заявлять: „Немцы были культурные люди. Они захватили Европу, но строили больницы и школы, установили порядок без преступности. Сделали отличные дороги и выпускали красивые машины. А потом пришли русские и все разрушили“. Такое время сейчас идиотское. И будет еще хуже».

Я тогда посмеялся. Подобное развитие событий казалось мне немыслимым. Глупо отрицать сухие архивные данные — в концлагерях СС в среднем за

четыре года погибло 11 000 000 человек. Задумайтесь — ведь это население целой страны, настоящие города-мегаполисы, населенные жителями, обреченными на гибель сегодня или завтра. Кто осмелится оспорить, что красноармейцы, ценой своей жизни прекратившие работу «фабрик смерти» и спасшие из крематориев миллионы людей, герои? Увы, я ошибся. Уже сегодня мы видим изменения своими глазами.

С октября 2024 года по март 2025 года я посетил Майданек, Саласпилс, Равенсбрюк, Заксенхаузен, Освенцим, Штуттгоф, Потулице, «Киндер КЦ», Гросс-Розен, Терезиенштадт, Ясеновац, Красный Берег, Малый Тростенец, Дахау, концлагеря в Петрозаводске. Почти все они (кроме Дахау и Ясеноваца) освобождены Красной армией. Однако в большинстве музеев на месте концлагерей в Польше, ФРГ, Латвии и Чехии вычищены любые упоминания о национальности освободителей. Получается, что узников спасли неизвестные доброжелатели или и вовсе инопланетяне. А ведь со времени окончания войны прошло всего 80 лет. С исторической точки зрения — совершенно ничтожный, незаметный срок.

Что же тогда произойдет дальше, еще лет через двадцать?

Поэтому, помимо репортажей, я взял интервью у бывших заключенных концлагерей. Тех, кто согласился говорить (ведь далеко не каждый готов переживать все заново), в каких-то случаях я слышал отказ. Почти все плакали во время разговора: им было очень нелегко возвращаться в безумие прошлого. Таких людей с каждым днем становится меньше. Большинство попали за колючую проволоку в пяти — семилетнем возрасте, и сейчас им под девяносто лет, многих покидает память. Но это последние свидетели, которые пока способны поведать нам, как все обстояло на самом деле. Умрут они — и история моментально забудется

ПРЕДИСЛОВИЕ

фантазиями, выдумками, ложью. Что они пережили за колючей проволокой? Радовались ли приходу Красной армии? Считали ли его освобождением?

Почитайте. Без преувеличения, их слова сочатся кровью.

Даже мне, флегматику по натуре своей, было не просто слушать воспоминания рано состарившихся детей — что сотворили с ними. Когда я начал публиковать тексты этого проекта, в некоторых комментариях я читал: «Послушайте, такого не может быть: перебор, слишком уж мерзкие зверства». Из теплых квартир с отоплением, вайфаем, доставкой горячей пиццы, несомненно, ужасы видятся театральной постановкой. Детям бросают еду на пол и смотрят, как они за нее дерутся. У них выкачивают кровь. Заставляют лечь на лед, пить гнилую воду, трупки малышей сваливают в туалете. Разве подобные вещи могут твориться в нашей реальности? Современному миру трудно понять мучения тех людей, хотя они даже не говорят, а кричат. Вот только слышать их способны далеко не все.

Помимо проекта к 80-летию Победы, в эту книгу вошли также избранные мои репортажи и интервью за последние 25 лет. Здесь и долгие беседы с сыновьями Рудольфа Гесса и Мартина Бормана, и разговор с охотником за нацистами Симоном Визенталем, и расследование о «Лебенсборне» — сети приютов СС, похитившей 50 000 советских малышей, и публикации о жизни детей солдат Красной армии, родившихся после 1945 года на территориях Германии и Австрии.

Люди нередко говорят мне: «Вы пишете так, что тяжело и больно читать».

Да, наверное.

Прочсть или нет — тут выбор за вами. Я знаю, для этого нужны крепкие нервы.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

**Банальность
зла**

«НЕ ПЛАЧЬТЕ, НАС УТРОМ УБЬЮТ»

«Я болела, отец пошел поискать еды — полицей ему голову пополам расколол. Кто за водой ходил, немецкие солдаты, загоравшие у реки на камнях, упражнялись по ним в стрельбе, как в тире. Каждый день умирало сто человек».

Клара Иосифовна Горлачева. Сейчас живет в Нюрнберге. Уроженка поселка Тростянец Винницкой области Украинской ССР. В ноябре 1941 года она вместе с отцом, матерью и бабушкой была в четырехлетнем возрасте заключена в Печерский концлагерь.

Печерский лагерь смерти мало кому известен: все архивы в 1944 году были уничтожены отступающей румынской армией. А ведь из 11 000 заключенных евреев там уцелели лишь 352 человека. Планировалось убить и их, но не успели.

— Мы до войны жили в поселке Тростянец Винницкой области. Папа с мамой очень любили друг друга. У них трое детей родилось — сначала два моих брата, а потом я: отец очень хотел девочку — так радовался, когда я на свет появилась, обожал меня. Дом — полная

чаша, корова, куры, гуси, утки. Началась война. Председатель колхоза отцу говорит: я тайком слушаю одно радио. Немцы захватили Чехословакию, евреев убивают. Захватили Польшу — тоже убивают. Вам плохо придется. Даю тебе подводку с лошадьми, беги. Выехали. По дороге встретили телегу с украинцами, нарядно одетыми. Папа к ним: куда нам ехать, чтобы к немцам не попасть? Вот туда. Мы добрались до села — а там вермахт. Нас задержали, поместили в хлев. Солома мокрая. Женщины плачут. Говорю: что вы плачете? Сейчас темно, нас не будут убивать. Утром будет светло, тогда и убьют. Они в голос завывали. И вдруг на рассвете бой, в село вошла Красная армия. Но как через фронт идти? Женщины — в слезы: все равно погибнем, так хоть умрем на своей постели. Немцы ж культурные люди, неужели они в детей стрелять станут? Вернулись назад в Тростянец. Одна женщина сказала, что заберет меня, даст крестик и будет звать Катя. Но немцы пришли молниеносно — в ноябре, раньше, чем мы думали. Всех евреев на площадь вывели, тысячи две, наверное, — полицаи знали, в каких домах мы живем, прятаться было бессмысленно. У мамы слезы текут. Она тайком показывает тете Марусе: мол, бери Клору, та жестом показывает: все, я уже не могу. Офицер спрашивает людей: что нам делать с евреями? Староста пожимает плечами: мы с ними жили дружно. Делайте с ними что хотите, но чтоб мы не видели. Никто не заступился.

— *Что было дальше?*

— Мы шли через Ладыжин — и узнали, что всех евреев в этом городе уже расстреляли, а местное население помогало их «зачистить». По дороге ад творился. Немцы с автоматами, полицаи с винтовками. Бабушка вскоре не смогла идти. И что делать? Кто отстал от ко-

лонны — того убили. Кто вперед побежал — убили. Говорят, евреи не сопротивлялись — а кому там сопротивляться? Одни бабы с детьми. Мужик если ударит немца — и его убьют, и всю семью на месте. Папа и его сестра поволокли бабушку на себе. Дошли до другой деревни, опять нас в хлеву заперли. Отобрали детей, всем сделали уколы. Зачем — не знаю. Мама твердила: дочка, умоляю, ты не должна плакать, иначе нас всех расстреляют.

Евреев привели в село Печера, там усадьба дворян Потоцких, в ней при советской власти открыли туберкулезный санаторий. Здание трехэтажное, с двухметровым забором. Запихнули нас всех внутрь. Ступить было некуда, сколько собралось людей. Внизу протекала река Южный Буг: на другом берегу огромные валуны, на них немецкие солдаты загорали. Немцы в лагерь заходили, уводили с собой понравившихся девушек, и эти девушки пропадали. Некоторых полицаи насильничали там же, возле каменной лестницы, — они оставались живы. От укулов я начала болеть, голова покрылась гнойниками, вся горела. Ни еды, ни питья никому не давали. Отец страшно переживал, что я голодная лежу в лихорадке, ему знающие люди сказали: рядом с санаторием есть поле, там от урожая осталась свекла. Он вырыл две штуки, пошел обратно счастливый, что взял мне поесть. Но я свеклы не увидела. Папу перехватил полицей и прикладом расколол ему голову пополам. Как умерла бабушка, я не помню. Тетю угнали на работы, она не вернулась. Остались вдвоем с мамой.

— *Как же вы выживали?*

— Это было чудовищно. Каждый день умирало больше ста человек. За водой требовалось спускаться к реке, сто девяносто ступенек. А немцы, что там

загорали, тир устраивали, на спор стреляли в людей. Добудет человек воду и ползет с кружкой, а по нему из автомата. Убьют — повезло, отмучился. Ранят — тяжелейшая смерть, медикаментов нет. Когда шел дождь, мы стояли под небом, вытряхивали из одежды вшей. Снег зимой становился черным. Мама заняла на втором этаже усадьбы место, там мы на полу лежали. Я добывала еду. Нарву травы и бегу назад. Искала косточки от вишен, слив, камушком била, несла в ладошке маме. Отдельное спасибо хочу сказать украинцам, что нам картошку, кукурузу просто так через стену кидали: их за это охрана била нагайками. Только триста пятьдесят два человека выжили в концлагере. Холод, голод, тиф, туберкулез. Умирало страшно, мучились, кого пристрелили, тот счастливчик считался. Каждый день вывозили десять подвод, полных доверху трупов. Я была кожа да кости, и мама тоже. Помню, как украинка передала ведро вишни через забор. Мальчик взял ведро, полицай в него выстрелил и убил. Вишни рассыпались, все бросились подбирать: нас хлестали плетью, но и мне ягоды достались.

— *Кто именно вас охранял?*

— Полицай украинские и румыны. Среди евреев тоже назначили главного, он получил отдельную комнату для себя и своей семьи. Это кошмарный человек — вот такой кулек золота скопил: зубы, кольца — все отбирал. Издевался над своими же. Рядом с нами лежала женщина. По ней ползал ребенок и плакал: «Мама, дай поесть». А сзади что-то длинное, как хвост. Оказывается, у ребенка от голода кишка прямая выскочила. Был обход, подошел полицай с евреем этим. Он взял на сапог ребенка и выкинул со второго этажа. Уже ближе к концу заключения мне запомнилась девушка. Если бы вы

знали, какая она была красивая! Черные волосы, голос как у птички. Кашляла кровью. Она говорила: «Господи, как я хочу увидеть хоть одного красноармейца — и смогу спокойно умереть». Мне потом рассказали: она дождалась наших, улыбнулась, закрыла глаза и умерла. Каждый пытался дожить до завтра. Что мы пили? Дождевую воду, ели снег. Овчарка меня укусила — стиснула зубы, не заплакала, а мне всего-то шесть лет. Мама от рубашки оторвала кусок, замотала рану. Обувь моя, я в ней из Тростянца шла, сгнила — сделали чуни из соломы.

— *Вам удалось бежать из Печерского лагеря. Это верно?*

— Да. В сорок третьем году к матери подошел мужчина с бородой и сказал: «Рива, много ям вырыли. Красная армия побеждает, немцы отступают, эти ямы для нас, надо бежать. Убьют при побеге? Так здесь тоже смерть». Мама решилась сразу. Под утро она швырнула меня через забор. Мужчины помогли ей самой перебраться, сделали насечки на заборе, чтоб ноги ставить. Какой-то пацан снаружи закричал: «Туда жидовка с ребенком побёгла, туда!» Мы укрылись в кустах — кукуруза, подсолнухи, внизу картошка. Стали стрелять. Мама вырвала куст, голову мне прижала в эту ямку, и мимо прошла пуля. Затихло. Погрызли сырой картошки. Пролежали до темноты, ушли в лес. Днем в лесу скрываемся, ночью идем. Добрались до Тростянца, пришли к соседке. Она открыла дверь, но в дом не пускает. Вынесла нам узелок с едой и говорит: «Я вам помочь не могу: приму евреев — сожгут все село; иди к врачу Низвецкому». У этого доктора дверь даже ночью не закрывалась и были мешочки с продуктами приготовлены. Он сказал: надо в Верховку, там гетто, проще спрятаться.

— *Трудно было добраться?*

— Ох, очень. Мы только вышли из Тростянца, а навстречу полицей Коля Золотарь и его подручный. Коля при советской власти пастух был, корову нашу пас, мама всегда его за стол сажала, завтраком кормила. Полицей избил мать так, что она потеряла сознание. Подручный ему: «А что с сучкой ее делать?» Он в ответ: «Жидовка скоро сдохнет, и сучка тоже сдохнет». И ушли. Мама лежала, пока роса не появилась. Поползла, потом встала. Кое-как дошли. В гетто она нашла сестру отца, нас приютили — тетя удрала, когда ее в Печерах полицаи вели на работу. Под комнатой выкопали яму, огромную, в два этажа, и девочек поместили туда. Одной лет шестнадцать было, Оля звали, очень красивая. Полицаи забирали ее к себе каждую ночь. Один раз она разозлилась, что за всех отдувается, не вышла. Так полицаи сказали, что сейчас первому попавшемуся ребенку голову об стену разобьют. Оля вылезла, пошла с ними. Ужасно? Да. А мне после концлагеря — это рай был. Дали кусочек хлеба, я не знала, что с ним делать, положила в рот и обсасывала. Вышла на улицу, лежит крестик поломанный. Я побежала к маме, кричу: «Дай мне нитку!» Надела крестик и радуюсь: «Мамочка, теперь меня не убьют, я украинка, я не жидовка!»

— *Вы помните приход Красной армии?*

— Конечно. Среди бела дня мы слышим со двора: ж-ж-ж-ж! Моторы работают. Стали высовываться. Видим — на площади танк. А на нем вот такими буквами надпись: «На Берлин!». Как все кинулись к нему! Бойцы открыли люк, с удивлением смотрят на нас. А мы три года немытые, в лохмотьях, словно с того света. Люди в слезах, стали танк целовать. Мама подошла,

Часть первая. БАНАЛЬНОСТЬ ЗЛА

упала на колени, обняла гусеницу танка и тоже целует. Я с тех пор как слышу «День Победы» — маму как наяву вижу и плачу. Вернулись в Тростянец, а дома нашего-то и нет. Полицай этот, Золотарь, искал у нас золото. Не нашел ничего, забрал лишь швейную машинку, со злости взял и развалил хату. Едва нас в 1941-м увели с площади, крестьяне кинуть по домам еврейским, стали грабить, выносить все подряд. Потом что-то вернули. Одна женщина отдала кровать, другая принесла подушки. Извинялись — мол, мы думали, евреи не вернуться, зачем вещи будут пропадать.

— *Вы обижены на них?*

— Нет. Я рада, что осталась жива.